

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 72–88.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 72–88.

Научная статья

УДК 321.011

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/72-88>

Технологический суверенитет в меняющемся мире: концептуально-политические трактовки и символические практики

Даниил Александрович Аникин✉, Алексей Юрьевич Мамычев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Москва, Российская Федерация

Владивостокский государственный университет,

Владивосток, Российская Федерация

✉ dandee@list.ru

Аннотация. В статье анализируются процессы технологических изменений и цифровых трансформаций в общественно-политической организации, их влияние на независимость страны и цивилизационный вектор развития общественных систем. Авторы представляют концептуально-политический анализ понятия «технологический суверенитет», выделяют и содержательно рассматривают его структурные элементы в контексте обеспечения национальной безопасности, а также обсуждают направления символической политики, которая формирует новый тип технологически и цивилизационно ориентированной мыследеятельности российского общества.

В работе доказывается, что приоритетами современной политики государства является суверенность критической инфраструктуры, разработка и внедрение инновационных национальных технологий в жизнедеятельность общества. При этом технологический суверенитет трактуется в качестве комплексного и многоуровневого феномена. Кроме того, авторы обосновывают, что развитие нового технологического уклада общества неотделима от системной символической политики, предполагающей создание и активное внедрение в образовательную среду образов самостоятельно разработанных технологий, их национальных авторов, что позволит вписать ценность технологического суверенитета в систему базовых ценностей современной российской молодежи.

Ключевые слова: государственная политика, национальная безопасность, символические практики, технологический суверенитет, цивилизация, цифровизация

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ и ЭИСИ № FZUG-2023-0007

Для цитирования: Аникин Д.А., Мамычев А.Ю. Технологический суверенитет в меняющемся мире: концептуально-политические трактовки и символические практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 72–88.

Original article

Technological sovereignty in a changing world: conceptual and political interpretations and symbolic practices

Daniil A. Anikin✉, **Alexey Yu. Mamychyev**

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,

Moscow, Russian Federation;

Vladivostok State University,

Vladivostok, Russian Federation

✉ dandee@list.ru

Abstract. The article analyzes the processes of technological changes and digital transformations in socio-political organizations, their impact on the independence of the country and the civilizational vector of development of social systems. The authors present a conceptual and political analysis of the concept of "technological sovereignty", identify and meaningfully consider its structural elements in the context of ensuring national security, and also discuss the directions of symbolic policy, which forms a new type of technologically and civilizationaly oriented activity of Russian society.

The paper proves that the priorities of modern state policy are the sovereignty of critical infrastructure, the development and implementation of innovative national technologies in the life of society. At the same time, technological sovereignty is interpreted as a complex and multilevel phenomenon. In addition, the authors substantiate that the development of a new technological way of society is inseparable from a systemic symbolic policy involving the creation and active introduction into the educational environment of images of independently developed technologies, their national authors, which will allow the value of technological sovereignty to be inscribed into the system of basic values of modern Russian youth.

Keywords: state policy, national security, symbolic practices, technological sovereignty, civilization, digitalization

Funding: The study was supported by the grant of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and EISI No. FZUG-2023-0007

For citation: Anikin D.A., Mamychev A. Yu. Technological sovereignty in a changing world: conceptual and political interpretations and symbolic practices. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 27, no. 3, pp. 72–88. (In Russ.).

Введение

Современный мир стремительно меняется, изменения уже затрагивают не только отдельные институты и сферы жизнедеятельности, но и мировоззренческие основания общественных систем. В настоящий момент происходит формирование нового социально-технологического режима функционирования экономических, политических, правовых, энергетических и иных систем. Внедрение цифровых технологий и алгоритмических решений, цифровых компетенций и инновационных технологических продуктов становится стратегической доминантой и ключевым направлением деятельности бизнес-структур, государства, различных организаций. Крупные государственные и негосударственные корпорации разрабатывают и конкурируют в сфере проектирования и внедрения специфического типа социально-технологической реальности.

Проект «информационное общество», который выступал определённой формой технологической идеологии западноевропейского мира, так и не воплотился в полном объёме, третье тысячелетие знаменовалось ещё большими трансформационными, переходными процессами, которые ведут к иному качественному состоянию общественных систем – социо-технологической эпохе [1; 2]. В отличие от предшествующих технологических изменений, энергетических переходов, промышленных трансформаций зарождающаяся социотехническая реальность порождает более тесное, чем прогнозировалось, переплетение социального и технологического, где технологическое развитие общества, а также технологическая независимость общественно-политической системы становится экзистенциальными для личности, общества и государства.

Справедливо отмечается, что формирование нового технологического уклада общества, ориентация на суверенность критической инфраструктуры и технологические инновации – «это не просто один из факторов экономического роста, а необходимое условие национальной безопасности. Они определяют перспективы развития экономики и социальной сферы, благосостояние и качество жизни граждан» [3, с. 196].

Отметим, что новая технологическая реальность, в отличие от традиционной социокультурной реальности, имеет специфические траектории развития, существенно влияя на экономические, политические, правовые, культурные и другие отношения. В этом плане представляя экспертный анализ развития различных общественных систем или моделируя развития конкретных социальных институтов, мы вынуждены учитывать как тренды и траектории развития новой для человека реальности, так и тесное переплетение социального и технологического, порождающее

разнообразные эмерджентные эффекты. В этом плане насущная задача современных исследовательских и прикладных разработок также должна быть ориентирована на описание сущностных и структурных характеристик этого нового пространства существования человека и социальных институций – социально-технологической реальности, адаптируя управленческие стратегии к разворачивающимся технологическим трансформациям.

В более прикладном аспекте технологический суверенитет общества связан с неправомерной практикой санкционного давления так называемого коллективного Запада на крупнейшие экономики не западного мира, прежде всего Россию, Китай и др. Так, санкционная политика западноевропейских стран по отношению к Российской Федерации ориентирована не столько на подрыв экономической мощи государства, сколько на стимулирование технологической деградации и социокультурной напряжённости в российском обществе. В этом плане сегодня технологический суверенитет не сводится к экономической стратегии развития российского общества, а выступает экзистенциальным основанием независимого развития России как государства-цивилизации.

Концептуально-политическая трактовка технологического суверенитета

В общественно-политическом дискурсе существуют различные трактовки и интерпретации технологического суверенитета, его содержательных и структурных элементов. Хотя данное понятие активно используется в рамках государственной политики с середины XX века, в то же время в разных странах по-разному трактовалась связка между технологиями и суверенитетом или влияния технологий на экономическое могущество страны (смогргунов). Более того, в современную эпоху технологических инноваций и цифровых трендов развития общественных систем технологический суверенитет в большинстве случаев стал рассматриваться уже не как элемент экономической политики государства, а как самостоятельная качественная характеристика государственно-правовой и социокультурной организации общества. Рассмотрим ряд наиболее часто встречающихся версий в трактовке технологического суверенитета.

Во-первых, технологический суверенитет в инструментальном аспекте отражает деятельность правительства, которая ориентирована на пересмотр фундаментальных оснований и приоритетов социально-экономического развития страны. Данный пересмотр, как правило, вызван изменяющейся геополитической и геоэкономической ситуацией, вынуждая национальные государства перестраивать глобальные и региональные кооперации цепочек, технологический обмен и проч. с иностранными государствами и транснациональными корпоративными структурами.

Справедливо в данном аспекте отмечается, что «прекращение деятельности западных компаний на российском рынке обусловило необходимость обеспечить эко-

номику критически важными технологиями только за счёт внутренних ресурсов. В текущих условиях добиться этого возможно только на основе достижения технологического суверенитета. Становится очевидным, что технологический суверенитет, основанный на технологических инновациях, является главным фактором экономического роста и условием национальной безопасности» [4, с. 140].

При этом качественные изменения в функционировании национальной социально-экономической системы связаны с достижением независимости от иностранных технологий и поставок, с производством собственных конкурентноспособных продуктов, технологических решений во всех сферах жизнедеятельности общества, а также создание новой логистики поставок и межгосударственных высокотехнологических альянсов.

Во-вторых, технологический суверенитет, в более широком мировоззренческом аспекте, представляет собой определённый тип общественно-политической мыследеятельности, свойственный современной эпохе цифровой трансформации общественных систем.

Данный тип технологического мышления и деятельности призван содержательно описать и структурно адаптировать социальные институты: с одной стороны, к кардинальным изменениям, распространяющимся во всех сферах общественной жизнедеятельности, связанных с внедрением в социальное взаимодействие инновационных технологий и разнообразных алгоритмических систем (например, систем искусственного интеллекта, технологий больших данных, блокчейн-технологий и т.п.); а с другой – к новому образу технологического будущего общества, к новой системе социально-экономических и общественно-политических отношений.

В этом случае речь идёт не столько об интенсивности и глубине внедрения новых технологических решений и распространения разнообразных технологических продуктов, сколько об изменении мыследеятельности общества. Другими словами, меняется сама мировоззренческая структура общества¹, т.е. происходит формирование новой социотехнической реальности (взаимодействие социокультурной и виртуальной реальности, традиционных ценностей и приоритетов технологического развития общества, где потребности технологического развития становятся *экзистенциальными* с точки зрения безопасности личности, общества и государства), трансформируются ценностно-нормативные основания социальной и профессиональной

¹ Мировоззренческая структура общества в данном контексте трактуется нами в качестве многоуровневой и масштабной системы представлений, знаний, убеждений, когнитивных и психоэмоциональных готовностей, связанных с различными форматами современного существования человека – физическая (материальная), природная, биологическая, социокультурная и социотехническая реальности, находящей своё выражение в аксиоматических положениях, ценностях, идеалах, образах, нормах и типах мыследеятельности личности и социальных групп.

деятельности, структурно перестраиваются национальные и региональные *поля стратегических действий*¹.

При этом ведущим ориентиром в разрабатываемых проектах будущего суверенного развития общества становится технологическое развитие и доминирование социотехнической реальности, что обуславливает новый характер и тип взаимодействия между различными форматами жизнедеятельности человека (физической, биологической, социокультурной, цифровой).

В-третьих, технологический суверенитет в последнее время начал рассматриваться в качестве неотъемлемой качественной характеристики цивилизационной стратегии развития российского общества в XXI веке. Так, Президент РФ В.В. Путин в своём выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума в 2022 году обозначил, что технологический суверенитет является новым фундаментальным принципом развития государства, обеспечивающий независимость и безопасность общества в XXI веке. Последний ориентирует на выстраивание абсолютно всех сфер жизнедеятельности современного общества *«на качественно новый технологический уровень и при этом быть не просто пользователями чужих решений, а иметь технологические ключи к созданию товаров и услуг следующих поколений... Технологическое развитие – это сквозное направление, которое определит не только текущее десятилетие, но и весь 21 век»* [6].

Здесь технологическое развитие страны, как отмечалось выше, связано с обеспечением экзистенциальных интересов (национальный интерес как гармонизированная система интересов личности, общества, государства) и социокультурной (цивилизационной) безопасности российского общества в период меняющегося мира и трансформации международного порядка. В этом плане инновационное технологическое развитие, создание независимой критической инфраструктуры [7], цифровой трансформации социально-экономической сферы сегодня напрямую связывается с обеспечением национальной безопасности, энергетической и продовольственной независимостью, развитием транспортной инфраструктуры и проч., а также с обеспечением информационной суверенности, поддержанием необходимого уровня разработки сложных систем ориентированного машинного обучения,

¹ Концепт «поля стратегических действий», предложенный Н. Флигстином и Д. Макадам, представляется удачным для описания сущности, динамики и направленности коллективных действий в обществе или тех или иных сообществ (местных, профессиональных и т.п.), которые направлены на формирование, изменение и воспроизводство определённых пространств (географических и профессиональных, реальных и виртуальных), их взаимодействия с другими социальными полями. Они представляют «собой сконструированный социальный порядок мезоуровня, к которому акторы (индивиды или коллективы) привязаны и в котором они взаимодействуют друг с другом на основе разделяемых (но не консенсуальных) пониманий о предназначении данного поля, отношениях к другим акторам в данном поле, о правилах, регулирующих легитимные действия в поле» [5, с. 49].

сложных алгоритмических решений в публичной и частной жизнедеятельности общества [8; 9].

В этом плане можно констатировать, что технологический суверенитет уже не рассматривается как элемент инновационной экономической политики государства, а становится комплексным феноменом, отражающим ценностно-нормативно ориентированную деятельность государства и общества во всех сферах жизнедеятельности общества. Справедливо в этом плане отмечается, что «экономическая прагматика импортозамещения смещается в сторону экзистенциально цивилизационной стратегии, при которой технологический суверенитет рассматривается не только с позиции технологической независимости или поддержания технологического баланса между внутренними и внешними факторами, но с точки зрения базовых ценностей общества» [10, с. 9].

В-четвёртых, технологический суверенитет связан с обеспечением независимости информационно-коммуникативной инфраструктуры, а развитие цифрового пространства приведено в соответствие с интересами и потребностями страны [11]. В данной интерпретации технологический суверенитет содержательно совпадает с суверенной юрисдикцией государства в цифровом пространстве коммуникаций, суверенитетом данных или информационным суверенитетом.

Глобальная цифровая среда здесь рассматривается в качестве сложного и неоднородного сетевого взаимодействия, состоящего из специфических цифровых пространств, находящихся под юрисдикцией суверенных государств. Последнее существенно расширяет и целый спектр традиционных политико-правовых категорий и легальных дефиниций, используемых в национальном законодательстве и международном праве. Существенно усложнятся и качественные характеристики суверенности государства, особенно в аспекте обеспечения кибербезопасности, технологической и операционной/программной независимости.

В этом аспекте государство должно уметь располагать соответствующими технологиями, которые являются критически значимыми для обеспечения безопасности данных граждан и их организаций, «для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности, а также возможность самостоятельно разрабатывать их или получать от экономик других стран без односторонней структурной зависимости» [12, с. 15].

В свою очередь, адекватной моделью технологического суверенитета является конвергационная модель, сочетающая традиционные социокультурные основания общества и инновационные формы развития общественно-политической организации и публично-властной коммуникации в системе «личность – общество – государство».

При проектировании доктринальных и нормотворческих предложений исследовательский коллектив будет исходить из того, что суверенные качества связаны с возможностью государства совместно с различными национальными корпорациями,

инновационными центрами и т.д. формировать и защищать технологическую и энергетическую инфраструктуру страны, региона или местного сообщества, стимулировать создание, внедрение и эксплуатацию национальных цифровых сервисов и продуктов, принимать и реализовывать программы развития электронных компетенций и цифровой культуры общества.

Кроме того, в контексте обеспечения суверенности цифрового пространства, сохранения и воспроизводства социокультурной целостности важным является понимание, что развитие цифровых институтов, несмотря на их алгоритмическую природу, должно реализовываться с учётом национальных, этнополитических, духовных и иной специфики российского пространства.

В этом плане следует скептически относиться к различным формам этической саморегуляции и практик добровольной социальной ответственности технокорпоративных структур и IT-корпораций, поскольку, как показывает практика, последние используют их в качестве технологий легитимации своего функционирования, социального оправдания результатов своей деятельности. Поэтому формирование национальных технологических комплексов, продуктов, сетей и проч. должны контролироваться и регулироваться в рамках суверенной юрисдикции государства, поскольку последнее обеспечивает защиту национально-культурной специфики общества и адекватность развития сквозных цифровых технологий уникальным траекториям развития тех или иных мировоззренческих систем.

Технологический суверенитет, с нашей точки зрения, это комплексный феномен, характеризующий технологическую независимость и уровень технологической самостоятельности современной государственно-правовой организации общества. Содержательно технологический суверенитет включает ряд смысловых структурных элементов (оснований): 1) независимая материальная, технологическая и энергетическая основа; 2) развитая критическая инфраструктура, конкурентные национальные технологические продукты и актуальные технологические компетенции; 3) национальная система адаптации и гармонизации национально-культурных закономерностей развития общества с технологическими изменениями и траекториями развития цифрового пространства; 4) доктринально и нормативно закреплённые векторы и правовые режимы технологической трансформации общества и отдельных отраслей народного хозяйства; 5) легитимный образ технологического будущего общества.

Парадокс технологического суверенитета и символическая политика

Т.Р. Гареев отмечает, что существует определённый парадокс технологического суверенитета, который заключается в том, что технологический суверенитет возможен только как продукт свободных экономических отношений, но появление техно-

логического суверенитета приводит к логическому завершению подобных отношений [13]. С экономической и технологической точки зрения суть этого парадокса заключается в том, что возможность достижения автономности от межгосударственных технологических платформ или государств, уже обладающих технологическим суверенитетом, заключается в достижении такого уровня технологического и экономического развития, который делает возможной самостоятельную разработку критических технологий.

В свою очередь, достижение этого уровня оказывается возможным только в случае сотрудничества с теми технологическими акторами, которые уже обладают соответствующим уровнем развития. Возникает потребность в сотрудничестве, которое, однако, рано или поздно должно привести к добровольному отказу от этого сотрудничества. И если на нормативном уровне этот процесс выглядит как своевременный отказ от продолжения сотрудничества, то на ценностном уровне он нуждается, как минимум, в соответствующей публичной репрезентации, формируемой не *post factum*, а заранее, причём в соответствии с определёнными цивилизационными ориентирами развития общества.

Проблема российского перехода к технологическому суверенитету в данном случае заключается в его догоняющем и вынужденном характере, когда режим технологических и экономических санкций сделал насущной потребностью сначала режим импортозамещения, а затем и постулирование необходимости технологического суверенитета, что выступило резким диссонансом по сравнению с повседневными практиками и символическими ориентирами российского общества.

Л.В. Сморгунов выделяет несколько стратегий обоснования необходимости технологического суверенитета, из которых, с политологической точки зрения, стоит обратить внимание на цивилизационную стратегию, которая соотносит необходимость достижения данной формы суверенитета с реализацией уникальных цивилизационных ценностей, прекращением технологического колониализма, использованием дискурса идентичности [10]. Показательным является тот факт, что цивилизационная стратегия используется, как правило, представителями органов государственной власти, в то время как другие участники коалиции (крупный бизнес) предпочитают апеллировать не к цивилизационным, а к экономическим и технологическим стратегиям обоснования, апеллирующим к непосредственным преимуществам технологического суверенитета для населения.

Из этого различия логически вытекает, что обоснование технологического суверенитета в настоящее время сосредотачивается не на стратегических целях, а на кратковременных средствах их достижения, что препятствует превращению политики технологического суверенитета в полноценную характеристику политического образа российского будущего. Апелляция к тактической выгоде от внедрения технологического суверенитета отодвигает на задний план потребность в выстраивании

символического дизайна технологического суверенитета, сделавшего бы данную ценность приоритетной для современного российского общества.

Существенным элементом обеспечения технологического суверенитета, таким образом, является его символическая репрезентация, обеспечивающая, наряду с наличием соответствующих технологий, уверенность граждан в поддержании собственной цивилизационной идентичности. В этом смысле достижение технологического суверенитета может рассматриваться как общая цель представителей естественнонаучных и гуманитарных специальностей, отвечающих за различные аспекты обеспечения функционирования технологического базиса в условиях независимой цивилизационной государственности. Вместе с тем такая постановка вопроса заставляет обратиться к анализу конкретных символических практик, которые будут ориентированы на формирование представлений о технологическом суверенитете как одной из ценностных констант современного российского общества.

Под символической политикой в данном случае понимается особый вид политической коммуникации, посредством которого происходит создание визуальных или вербальных образов, определяющих отношение граждан к политической системе [14].

В рамках изучения символической политики важный вопрос касается её соотношения с реальной политикой, то есть насколько формируемые символы должны соотноситься с реально существующими целями и векторами развития властных структур. Достаточно распространённой является точка зрения, согласно которой символическая политика слабо соотносится с реальными политическими интересами, представляя собой, скорее, вариант публичной риторики, направленной на легитимизацию политических целей и интересов для различных групп граждан.

Однако такая трактовка, как представляется, не учитывает сильное эмоциональное воздействие, обеспечиваемое символической политикой, которое само по себе становится важным фактором политической динамики, заставляя в том числе и реальную политику приспосабливаться под уже артикулированные символические паттерны.

О.Ю. Малинова понимает «под символической политикой деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определённых способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих. Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее, специфическим аспектом “реальной” политики» [15, с. 91].

Данное уточнение оказывается необходимо в контексте изучения механизмов формирования технологического суверенитета, поскольку ставит вопрос не просто о важности формирования публичного образа отечественных технологий и научных школ, но и о соответствии формируемых образов ожиданиям самих граждан. Иначе говоря, символическая политика не является односторонним процессом, в ходе кото-

рого происходит пассивное восприятие со стороны населения сформированных государством значимых образов и символов. Имеет место взаимный процесс формирования символической повестки и её интерпретации в соответствии с теми ценностными ориентирами, которые уже присутствуют у различных групп населения, прежде всего, у молодёжи.

Неотъемлемым элементом символической политики является политика памяти, под которой понимается целенаправленное использование определённых образов прошлого для легитимации современного политического порядка и определения векторов его развития. Особенностью реализации политики памяти становится формирование определённых коммеморативных практик, которые позволяют «опривычивать» ценностные установки, делать их элементом повседневной реальности, существенно усиливая их перформативный характер [16, с. 105]. В связи с этим актуальным становится вопрос различения технологического прогресса и технологического суверенитета в качестве ценностей для российской молодёжи [17].

Как показывают данные социологических опросов, в российском обществе присутствует не только большой интерес к технологическим инновациям, но и безусловное одобрение технологического прогресса, особенно в молодёжной среде. Опрос ВЦИОМ в июне 2023 года свидетельствует: «Исследование установило, что опрошенные россияне доверяют технологиям будущего (77%), доля не доверяющих – 18%.

Максимальное доверие выражает молодёжь 18–24 лет – 84%, тогда как с возрастом к таким технологиям относятся всё с большей настороженностью (в группе 18–24 лет не доверяют технологиям будущего 12%, 25–34 лет – 14%, 35–44 лет – 20%, 45–55 лет – 21%). Но, несмотря на то что часть опрошенных относится к технологиям будущего с недоверием, абсолютное большинство (94%) считают важным развивать их для человечества в целом: 60% выбрали вариант “однозначно важно”, ещё 34% – “скорее важно» [18].

Из этого следует, что для молодёжи ценность технологического развития является одной из основополагающих ценностей, поэтому стремление противопоставить ей технологический суверенитет является малореальной задачей, которая способна лишь усугубить поколенческие разрывы в российском обществе. Более оптимальной представляется задача конвергенции этих двух ценностных установок, при которой технологический суверенитет будет рассматриваться как средство, позволяющее достичь технологического прогресса на более справедливых и правильных условиях.

Заключение

В рамках современной технологической политики государства устойчивым трендом становится ориентация на суверенность критической инфраструктуры, разработку и внедрение инновационных национальных технологий в жизнедеятельность общества. Последнее рассматривается не только в качестве драйвера социально-эко-

номического развития и ключевого фактора общественно-политической динамики, но и как экзистенциальной основы системы национальной безопасности.

Сегодня технологический суверенитет рассматривается в нескольких взаимосвязанных аспектах: с одной стороны, это деятельность правительства, ориентированная на пересмотр фундаментальных оснований и приоритетов социально-экономического развития страны; с другой – это определённый тип общественно-политической мыследеятельности и качественная характеристика цивилизационной стратегии развития российского общества в эпоху цифровой трансформации социальных систем.

Следовательно, технологический суверенитет – это комплексный феномен, характеризующий технологическую независимость и уровень технологической самостоятельности современной государственно-правовой организации общества. Он включает пять основных смысловых блоков (структурных подсистем): 1) материальную, технологическую и энергетическую независимость страны; 2) развитую критическую инфраструктуру и национальные технологические продукты, а также технологические компетенции и инновации; 3) доктринальную систему адаптации и гармонизации национально-культурных закономерностей развития общества к технологическим изменениям; 4) нормативно закреплённые цивилизационные векторы и правовые режимы технологической трансформации общества и отдельных отраслей народного хозяйства; 5) легитимный образ технологического будущего государства и общества.

В свою очередь, методологическим принципом символического обоснования технологического суверенитета является формирование представления о том, что последний не является противоположностью технологическому прогрессу. Инструментарием реализации данного принципа является создание и активное внедрение в образовательную среду образов самостоятельно разработанных технологий и их авторов, что позволит вписать ценность технологического суверенитета в систему базовых ценностей современной российской молодёжи.

Список источников

1. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д., Федорченко С.Н. Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. № 3. С. 230–253.
2. Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 96–113. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>.
3. Камчатова Е.Ю., Муратова М.Н. Возможности применения ресурсного подхода при обеспечении технологического суверенитета промышленности РФ // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 196–201.

4. Горячева Т.В., Мызрова О.А. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, № 2. С. 134–145.

5. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. 464 с.

6. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 05.12.2023).

7. Дежина И. Г., Пономарев А. К. Подходы к обеспечению технологической самостоятельности России // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 3. С. 54–68.

8. Указ Президента РФ от 14 апреля 2022 г. № 203 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/404483518> (дата обращения: 05.12.2023).

9. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам...» // Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406641957/>

10. Сморгун Л. В. Доказательная политика технологического суверенитета и ее дизайн // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. № 3. С. 6–19.

11. Garrido M. V. All your Internet are belong to us: on nation states' claims of sovereignty over ICT architecture and contents.

URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5fa2e9e7-656f800f-4a43487b-74722d776562/https/bfogg.org/blog/2016-04-all-your-internet-are-belong-to-us-on-nation-states-claims-of-sovereignty-over-ict-architecture-and-contents/ (дата обращения: 05.12.2023).

12. Константинов И.Б., Константинова Е.П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22. № 5. С. 12–22.

13. Гареев Т.Р. Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации // *Terra Economicus*. 2023. № 21(4). Р. 38–54.
14. Поцелуев С.П. «Символическая политика»: К истории концепта // *Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.- информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. М., 2012. С. 17–53.
15. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис*. 2010. № 2. С. 90–105.
16. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития*. 2017. № 4. С. 3–20.
17. Аникин Д.А. Научно-технологические инновации как предмет исторической политики: основные теоретические модели // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. Вып. 11.
18. Технологии будущего. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego> (дата обращения: 05.12.2023).

References

1. Volodenkov S.V., Artamonova Yu.D., Fedorchenko S.N. Sociotexnicheskaya real'nost' cifrovogo prostranstva sovremennoj politiki: struktura i osobennosti [Sociotechnical reality of the digital space of modern politics: structure and features]. *Politicheskaya e`kspertiza: POLITE`KS*, 2022, no. 3, pp. 230–253. (In Russ.).
2. Kochetkov A.P., Mamy`chev A.Yu. Gosudarstvennaya politika Rossii v cifrovuyu e`poxu: osnovny`e trendy`, scenarii i regulatoryny`e praktiki [State policy of Russia in the digital age: main trends, scenarios and regulatory practices]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2023, no. 1, pp. 96–113. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>. (In Russ.).
3. Kamchatova E.Yu., Muratova M.N. Vozmozhnosti primeneniya resursnogo podxoda pri obespechenii texnologicheskogo suvereniteta promy`shlennosti RF [Possibilities of applying the resource-based approach in ensuring the technological sovereignty of the Russian industry]. *Innovacii i investicii*, 2023, no. 2, pp. 196–201. (In Russ.).
4. Goryacheva T.V., My`zrova O.A. Rol' i mesto texnologicheskogo suvereniteta v obespechenii ustojchivosti e`konomiki Rossii [The role and place of technological sovereignty in ensuring the stability of the Russian economy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: E`konomika. Upravlenie. Pravo*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 134–145. (In Russ.).
5. Fligstin N., Makadam D. Teoriya polej [Field theory]. М.: Izd. dom VShE`, 2022. 464 p. (In Russ.).
6. Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo e`konomicheskogo foruma [Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum]. *Prezident Rossii*.

[E`lektronny`j resurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (accessed: 05.12.2023). (In Russ.).

7. Dezhina I. G. Ponomarev A. K. Podxody` k obespecheniyu texnologicheskoy samostoyatel`nosti Rossii [Approaches to ensuring the technological independence of Russia]. *Upravlenie naukoy: teoriya i praktika*, 2022, vol. 4, no. 3, pp. 54–68. (In Russ.).

8. Ukaz Prezidenta RF ot 14 aprelya 2022 g. № 203 «O Mezhhvedomstvennoj komissii Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii po voprosam obespecheniya texnologicheskogo suvereniteta gosudarstva v sfere razvitiya kriticheskoj informacionnoj infrastruktury` Rossijskoj Federacii» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Decree of the President of the Russian Federation of April 14, 2022 No. 203 “On the Interdepartmental Commission of the Security Council of the Russian Federation on ensuring the technological sovereignty of the state in the sphere of development of the critical information infrastructure of the Russian Federation” (with amendments and additions)]. *Spravochnaya pravovaya sistema «Garant»*. URL: <https://base.garant.ru/404483518/> (accessed: 05.12.2023). (In Russ.).

9. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 15 aprelya 2023 g. № 603 «Ob utverzhdenii prioritny`x napravlenij proektov texnologicheskogo suvereniteta i proektov strukturnoj adaptacii e`konomiki Rossijskoj Federacii i Polozheniya ob usloviyax otneseniya proektov k proektam texnologicheskogo suvereniteta i proektam strukturnoj adaptacii e`konomiki Rossijskoj Federacii, o predstavlenii svedenij o proektax texnologicheskogo suvereniteta i proektax strukturnoj adaptacii e`konomiki Rossijskoj Federacii i vedenii reestra ukazanny`x proektov, a takzhe o trebovaniyax k organizacijam, upolnomochenny`m predstavlyat` zaklyucheniya o sootvetstvii proektov trebovaniyam k proektam texnologicheskogo suvereniteta i proektam ...» [Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2023 No. 603 "On approval of priority areas of technological sovereignty projects and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation and the Regulation on the conditions for classifying projects as technological sovereignty projects and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation, on the submission of information on technological sovereignty projects and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation and maintaining a register of these projects, as well as on the requirements for organizations authorized to submit conclusions on the compliance of projects with the requirements for technological sovereignty projects and projects ..."]. *Spravochnaya pravovaya sistema «Garant»*. [E`lektronny`j resurs].

URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406641957> (In Russ.).

10. Smorgunov L.V. Dokazatel`naya politika texnologicheskogo suvereniteta i ee dizajn [Evidence-based policy of technological sovereignty and its design]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social`ny`x nauk*, 2022, no. 3, pp. 6–19. (In Russ.).

11. Garrido M.V. All your Internet are belong to us: on nation states' claims of sovereignty over ICT architecture and contents. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5fa2e9e7-656f800f-4a43487b-74722d776562/https/bfोगp.org/blog/2016-04-all-your-internet-are-belong-to-us-on-nation-states-claims-of-sovereignty-over-ict-architecture-and-contents/ (accessed: 05.12.2023).
12. Konstantinov I.B., Konstantinova E.P. *Technologicheskij suverenitet kak strategiya budushhego razvitiya rossijskoj e`konomiki* [Technological sovereignty as a strategy for the future development of the Russian economy]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 12–22. (In Russ.).
13. Gareev T.R. *Technologicheskij suverenitet: ot konceptual`ny`x protivorechij k prakticheskoy realizacii* [Technological sovereignty: from conceptual contradictions to practical implementation]. *Terra Economicus*, 2023, no. 21(4), pp. 38–54. (In Russ.).
14. Poceluev S.P. «Simvolicheskaya politika»: K istorii koncepta [“Symbolic politics”: Towards the history of the concept]. *Simvolicheskaya politika: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr social. nauch.- inform. issled. Otd. polit. nauki; Otv. red.: Malinova O.Yu. Vy`p. 1: Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastny`j resurs. M., 2012. P. 17–53.* (In Russ.).
15. Malinova O.Yu. *Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoj Rossii* [Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia]. *Polis*, 2010, no 2, pp. 90–105. (In Russ.).
16. Malinova O.Yu. *Kommemoraciya istoricheskix soby`tij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel`nogo analiza* [Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: possibilities of comparative analysis]. *Politiya*, 2017, no. 4, pp. 3–20. (In Russ.).
17. Anikin D.A. *Nauchno-technologicheskie innovacii kak predmet istoricheskoy politiki: osnovny`e teoreticheskie modeli* [Scientific and technological innovations as a subject of historical policy: main theoretical models]. *E`lektronny`j nauchno-obrazovatel`ny`j zhurnal «Istoriya»*, 2023, vol. 14, no. 11. (In Russ.).
18. *Technologii budushhego* [Technologies of the future]. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego> (accessed: 05.12.2023). (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Д.А. Аникин – кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией исторической памяти факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); научный сотрудник лаборатории социально-экономических и политико-правовых исследований, Владивостокский государственный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ dandee@list.ru

D.A. Anikin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Historical Memory of the Faculty of Political Science, Moscow State University (Moscow, Russian Federation); Researcher at the Laboratory of Socio-Economic and Political-Legal Studies, Vladivostok State University (Vladivostok, Russian Federation).

А.Ю. Мамычев – доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры российской политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); заведующий лабораторией социально-экономических и политико-правовых исследований, Владивостокский государственный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ mamychev@yandex.ru

A.Yu. Mamychev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University (Moscow, Russian Federation); Head of the Laboratory of Socio-Economic and Political-Legal Research, Vladivostok State University (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 28.07.2025;
одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;
принята к публикации / accepted 14.09.2025.